

Ирина Литвинова, Людмила Табаченко

Коктебель – «место пусто»

Топоним *Коктебель* занимает особое место в идиолекте М. Цветаевой, являясь пересечением нескольких значимых для автора семантических полей (далее – СП). Это относится, прежде всего, к семантическому пространству двух очерков – «История одного посвящения» и «Живое о живом», представленному рядом ключевых семантических полей («творчество», «бытие»), особое место среди которых принадлежит СП «пустота».

В СП «пустота» в русском языке выделяются противопоставленные друг другу семы: 'отсутствие как ущербность' и 'отсутствие как потенциальность', что подтверждает и этимология этого слова, его связь с глаголом *пустить*: пустота – это нечто, способное впустить в себя. Пустая емкость, пустое пространство могут впустить в себя содержимое, предоставить ему место¹. В идиолекте М. Цветаевой единицы СП «пустота» амбивалентны: общеязыковое значение 'ущербное отсутствие' маркировано положительно – как потенциальная полнота, как условие реализации сущностной полноты.

В анализируемых очерках СП «пустота» представлено следующими единицами, содержащими одноименную сему: *место пусто, пустыня, пустынный берег, пустырь, одиночество, голые скалы, голодное место, нищий, объедок, оглодок, сухой*, конструкции с частицами *не* и *ни* и др.

Эти единицы используются автором в метадефинициях Коктебеля: «*Коктебель – место пусто, в нем никогда не было жирных сливок, только худосочное (с ковыля!) и горьковатое (с полыни!) козье молоко, никогда в нем не было и горячих домашних булок, вовсе не было булок, одни только сухие турецкие бублики, да и то не сколько угодно. И если поэт был голоден – виноват не «злой хозяин» Максимилиан Волошин, а наша общая хозяйка – земля. Здесь – земля Восточного Крыма...» (154)². «Коктебель, до всяких революций, – голодное место...» (151).*

У фразеологизма *место пусто* здесь актуализируются одновременно два противоположных значения. С одной стороны, что подтверждают противопоставления *жирные сливки / худосочное козье молоко, домашние булки / сухие турецкие бублики*, это отрицательно маркированное отсутствие, скудность, отсутствие изобилия, эти семы присутствуют и в словах *объедок, оглодок, голодный*. С другой стороны, это

¹ О категории «пустота» см.: Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.

² Здесь и далее цитаты из текстов М. Цветаевой даются по изданию: Цветаева М. И. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. В скобках указывается номер страницы.

пустота аскетизма, скудность быта, отсутствие комфорта, соблазняющей материальности – всего, что мешает жизни духа, поэтому у М. Цветаевой эта пустота маркирована положительно, это необходимое условие полноты реализации человеческого духа. В цветаевском фразеологизме *место пусто*, в продолжение традиций русской культуры, «наблюдается амбивалентность пустого места как сакрального и хтонического»³. Л. В. Зубова связывает традицию сакральности с использованием этого фразеологизма в евангельских текстах (от Матфея и от Луки) для обозначения необитаемого места вдали от города, где Иисус Христос проповедовал и творил чудеса, а в житиях *место пусто* – это место отшельничества, место основания монастыря или храма⁴. Сакральный смысл может нести и существительное *пустыня*, в формах *пустынь*, *пустынька* тоже обозначающее место отшельничества и монастырь на этом месте.

М. Цветаева синтезирует смыслы сакральности и хтоничности Коктебеля, связывая его с мифологической Киммерией и языческим Аидом: «*Макс с мифом был связан и через коктебельскую землю – киммерийскую, родину амазонок*» (194); «*Киммерия. Земля входа в Аид Орфея*» (195). Сакральность этого места, по М. Цветаевой, связана и с солнцем как одним из ликов Бога: «*... в самый свой час Коктебеля, из всех своих бесчисленных обликов запечатлевающегося в нас в облике того солнца, которое как Бог смотрит на тебя неустанно и на которое смотреть нельзя. <...> Солнца ... такого доброго, что, невзирая на все свои пятьдесят градусов – от первого дня до последнего дня – десятилетиями позволяло поэту сей двойной символ: высшей свободы от всего и высшего уважения: непокрытую голову. Как в храме*» (195).

«*Место пусто*» о Коктебеле – это еще место дикое, некультурное, место до и вне «цивилизации комфорта» (ср. *пустырь* ‘заброшенное место’, вне комфорта). Это также связано с этимологией корня *пуст-*, подчеркивающей первозданность, природность Коктебеля: «*праслав. *rustь родственно др.-прусс. rausto ж. “дикая (о кошке)”, raustre ж. “дикое место”*»⁵. Поэтому Коктебель – это «пусто место» пред-творения, пред-начала, пред-бытия продуцирующего, потенциальной полноты, что в идиолекте М. Цветаевой связано с концептом «белый» (ср. также *белый парусиновый балахон* Макса Волошина).

Коктебель М. Цветаева также называет *пустыней*: «*Голые скалы, морена берега, ни кустка, ни ростка... ковыль, полынь, море, пустыня*» (151); «*Коктебель – пустыня. На берегу только один дом – волошинский. Сам Коктебель, то есть болгарско-татарская деревня этого*

³ Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой: (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1999. С. 108.

⁴ Там же.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. СПб.: Прогресс, 1964. С. 411.

наименования, за две версты, на шоссе Е.О. ставит редким проезжающим самовары и по вечерам, от неизбывного одиночества, выходит на пустынный берег и воет» (187).

Пустыня обозначает и «ландшафтную пустоту» Коктебеля, и его безлюдность, оборачивающуюся одиночеством в нем живущих. Это значение усиливается словами *только один дом, редко проезжающие, неизбывное одиночество, пустынный*.

Прилагательное *пустынный* неоднократно используется М. Цветаевой при описании мест Коктебеля: «Так это у меня и осталось в памяти: коктебельский пустынный берег, на нем медведь, то есть Макс, со мной, а тут же у берега, чтобы удобнее, целая флотилия кораблей, которые горят» (176); «Идем по пустынному уступу, в самый полдень, и у меня точное чувство, что я иду – вот с таким духом земли» (192). По данным «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», прилагательное *пустынный* – ‘такой, в котором видно на большое расстояние’, т.е. это прилагательное обозначает пространство, просматривающееся насквозь, и в первую очередь подчеркивает отсутствие людей, причем посторонних для говорящего, а также любых ожидаемых в этом месте животных, птиц, движущихся транспортных средств и т.п. Как и прилагательное *безлюдный*, оно связывается обычно с чувством печали и одиночества⁶. Однако в идиолекте М. Цветаевой свободное окружающее пространство, простор и уединение являются неотъемлемыми атрибутами творца и необходимыми условиями создания будущих творений. Внутренняя духовная и творческая полнота требуют отказа от лишнего, нуждаются в просторе и свободном пространстве. Таким образом, одиночество, отрицательно маркированное в русской языковой картине мира, у М. Цветаевой является необходимым условием для творчества, превращаясь в *уединение* (ср. «...его одиночество: восемь месяцев в году один в Коктебеле со своим ревущим морем и собственными мыслями...» (213).

В целом в идиолекте М. Цветаевой связь СП «пустота» и «творчество» заключается в том, что пустота является стимулом к творчеству («зов» того, что должно быть создано) и его условием. Пустота реализуется как свободное физическое и личностное пространство творца. В первую очередь, это пустота пространства, свобода для рождения новых смыслов: пустые холст, стена, белый лист, тетрадь. Полнота внутреннего мира творца заключается в неисчерпаемой возможности будущих творений, но требуется «внешняя пустота», чтобы, с одной стороны, сосредоточиться на акте творчества, а с другой – чтобы то, что создается, еще в мире не существовало (стимулирующая пустота). Нужна и «пустота» материала – как бесформенность, способная принять творимую форму. Залогом внутренней духовной сосредоточенности

⁶ См.: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю. Д. Апресян и др. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 899.

(«заполненности») также является отчужденность от быта, насущных проблем («пустота», а не «теснота» быта).

Поэтому *место пусто* в характеристике Коктебеля обозначает его сакральность как места творчества, рай творца (ср. из очерка «Наталья Гончарова»: *«Рай прежде всего место пусто. Пусто – просторно, просторно – покойно, покойно – светло. Только пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает»* (68)).

Через лексику *пустыня* СП «пустота» в анализируемых очерках связано с СП «солнце» и «стихии». *Пустыня* – это не только ‘обширное пустое пространство’, ‘безлюдное, незаселенное место’, но и ‘засушливая область с небольшим количеством осадков, резкими колебаниями температуры воздуха и почвы и скудной растительностью’. У Цветаевой это *сушь; сухость земли; сожженная, сухая, как кремль, земля; трескающаяся от жары земля; звенящие от засухи тропки*. Характеристики Коктебеля переносятся и на Макса Волошина: *«Это был огромный очаг тепла, физического тепла, такой же достоверный тепловой очаг, как печь, костер, солнце»* (193).

Через корень *сух-/суш-* концепт «пустыня» трансформируется в сушу, землю, одну из стихий: *«В Максе жила четвертая, всеми забываемая стихия – земли. Стихия континента: сушь. <...> Макс был – земной монолит, Макс был именно обратным мозаике, то есть монолитом. Не составленным, а сорожденным»* (192). Стихии М. Цветаевой названы *пустынями*: *«Меж трех пустынь: морской, земной, небесной – твое последнее перед нами, за нас предстояние...»* (220). И земная стихия-пустыня, жившая в Максе Волошине, не противопоставлялась морской, а дополнялась ею (*седобородый и седогривый как море»*).

Таким образом, Коктебель – сакральное «место пусто», место аскетичное, свободное от «цивилизации комфорта», место природной силы, простор, который дарит человеку свободу и неограниченные возможности, позволяет выразиться внутренней полноте. Этот «рай творца» становится родным для тех, кто к нему приобщился. «Коктебель для всех, кто в нем жил, – вторая родина, для многих – месторождение духа» (155).

Список использованной литературы

1. Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой: (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Ю. Д. Апресян и др. М.: Языки русской культуры, 1997.

3. Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота» (на материале поэтического языка московских концептуалистов): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Прогресс, 1964.